

СОВЕТ ЕВРОПЫ
ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ИСМОИЛОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №2947/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

24 апреля 2008 года

Данное постановление вступит в силу при обстоятельствах, указанных в п.2 ст.44 Конвенции. Оно может подвергнуться редакционной правке.

По делу «Исмоилов и другие против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Кристос Розакис, *Председатель*,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штайнер,
Дин Шпильманн,
Сверре Эрик Йебенс,
Джорджио Малинверни,
Джордж Николау, *судьи*,
и Сёрен Нильсен, *секретарь Секции*,
проведя закрытое заседание 27 марта 2008 года,
вынесли в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№2947/06) против Российской Федерации, поданной в Суд 18 января 2006 года в соответствии со статьёй 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») двенадцатью гражданами Узбекистана, г-ном Илхомжоном Исмоиловым, г-ном Рустамом Наимовым, г-ном Иззатулло Мухаметсобировым, г-ном Абдуррауфом Мухамадсобировым, г-ном Сардорбеком Улугходжаевым, г-ном Оббосхоном Махмудовым, г-ном Умарали Алимовым, г-ном Кабулом Касимхуджаевым, г-ном Хуршидом Хамзаевым, г-ном Искандербеком Усмановым, г-ном Шкрулло Сабировым и г-ном Махмудом Рустамходжаевым, а также гражданином Кыргызстана, г-ном Мамиргоном Таштемировым («заявители»).

2. Интересы заявителей, которым была предоставлена частичная компенсация расходов, связанных с ведением дела, представляла г-жа И. Соколова, юрист, практикующая в Иваново. Российское Правительство («Правительство») первоначально было представлено г-ном П. Лаптевым, бывшим Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии его Уполномоченным, г-жой В. Милинчук.

3. 7 августа 2006 года Председатель Палаты указал Правительству-ответчику, что заявители не должны быть экстрадированы в Узбекистан до дальнейшего указания (правило 39 Регламента Суда). 12 декабря 2006 года Суд решил, что обеспечительная мера должна оставаться в силе и решил рассматривать жалобу в приоритетном порядке (правило 41 Регламента Суда).

4. 12 декабря 2006 года Суд признал жалобу частично приемлемой и решил коммуницировать Правительству жалобы заявителей о том, что их экстрадиция в Узбекистан подвергнет их риску дурного обращения и несправедливого суда, что их содержание под стражей до решения вопроса об экстрадиции является незаконным, что их содержание под стражей не является предметом эффективного судебного контроля, и что было нарушено их право на презумпцию невиновности. В соответствии с положениями п.3 статьи 29 Конвенции, он решил рассматривать приемлемость жалобы одновременно с её рассмотрением по существу.

5. И заявители, и Правительство представили свои объяснения. Объяснения были также получены от правозащитных организаций «Хьюман Райтс Уотч» и AIRE («Содействие защите индивидуальных прав в Европе») Центр, которым Председателем было разрешено участвовать в письменной процедуре (п.2 статьи 36 Конвенции и п.2 правила 44 Регламента Суда).

6. Правительство возражало против совместного рассмотрения приемлемости и существа жалобы. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его.

<...- опущены разделы «Факты», обзор применимого российского права и докладов органов ООН и международных неправительственных организаций о ситуации с правами человека в Узбекистане, в особенности в свете событий в Андижане в 2005 года – прим.переводчика...>

105. Заявители жаловались по статье 3 Конвенции, что их экстрадиция в Узбекистан подвергнет их угрозе пыток либо смертной казни...

<... - опущено изложение позиций сторон в отношении требования по статье 3 Конвенции, а также изложение общих принципов, выработанных в правоприменительной практике Суда в этом отношении, – прим.переводчика...>

116. Суд отмечает, что большинство заявителей являются уроженцами города Андижана в Узбекистане. Они прибыли в Россию в разное время между 2000 годом и началом 2005 года. Они бежали от преследований за свои религиозные убеждения и успешную коммерческую деятельность. Некоторые из них ранее подверглись дурному обращению в руках узбекских властей, родственники или партнеры по бизнесу других были арестованы и обвинены в участии в незаконных экстремистских организациях. Двое заявителей прибыли в Россию в деловую поездку: один из города Коканда в Узбекистане, другой из Турции.

117. После волнений в Андижане в мае 2005 года заявители были арестованы в России по запросу узбекских властей, которые подозревали их в финансировании повстанцев. Несмотря на то, что заявители отрицали какое-либо участие в андижанских событиях и похоже, что проверка, осуществленная российскими властями, подтвердила их заявления (...), в отношении них была начата процедура экстрадиции. Заявители утверждали, что их экстрадиция в Узбекистан подвергнет их риску дурного обращения и смертной казни. Они также подали заявления о признании их беженцами, указывая на свои опасения пыток и преследования по политическим мотивам. Они обосновывали свои требования докладами, подготовленными органами ООН и международными неправительственными организациями, описывающими дурное обращение в Узбекистане с лицами, содержащимися под стражей. Российские власти отвергли их заявления о предоставлении статуса беженцев и приняли решение об их экстрадиции в Узбекистан.

118. В соответствии с вышеприведенной правоприменительной практикой, Суду предстоит установить, существует ли реальный риск дурного с ними обращения в случае экстрадиции заявителей в Узбекистан. Так как они еще не были экстрадированы в связи с назначением Судом обеспечительной меры по

правилу 39 Регламента Суда, имеющей значение датой для оценки этого риска является дата рассмотрения дела Судом. Таким образом, хотя историческая позиция представляет интерес, так как она позволяет пролить свет на текущую ситуацию и её возможное развитие, решающими являются ныне существующие условия (см. постановление от 15 ноября 1996 года по делу «Чахал (*Chahal*) против Великобритании», Сборник постановлений и решений 1996-V, п.86).

119. Что касается первого аргумента заявителей, согласно которому их экстрадиция подвергнет их риску смертной казни, так как они были обвинены в совершении преступлений, за которые она предусмотрена, Суд отмечает, что им были предъявлены обвинения в терроризме и убийстве при отягчающих обстоятельствах. В момент вынесения решений об экстрадиции заявителей, за эти преступления по Уголовному кодексу Узбекистана была предусмотрена смертная казнь. Вместе с тем, с 1 января 2008 года смертная казнь в Узбекистане отменена (...). Суд полагает, что таким образом риск применения смертной казни к заявителям был ликвидирован, соответственно, в этом отношении не возникает вопроса по статье 3.

120. Теперь Суд рассмотрит второй аргумент заявителей, согласно которому они подвергнутся дурному обращению в Узбекистане. Он учитывает информацию Правительства об улучшении ситуации с правами человека в Узбекистане в последнее время (...), которое, по мнению Правительства, сводит на нет риск дурного обращения. Вместе с тем, следует отметить, что по делам, в которых заявитель – либо третья сторона в смысле статьи 36 Конвенции – указывает на разумные основания, позволяющие сомневаться в точности информации, на которую ссылается Правительство-ответчик, Суд должен убедиться в том, что оценка, проведенная властями Договаривающегося Государства, является адекватной и в достаточной степени подтверждается внутригосударственными материалами, равно как и материалами, исходящими из других надежных и объективных источников, таких как, например, другие Договаривающиеся и иные Государства, учреждения Организации Объединенных Наций и уважаемые неправительственные организации. Выполняя свою надзорную функцию в соответствии со статьёй 19 Конвенции, Суд следовал бы слишком узкому подходу по делам, затрагивающим статью 3 в отношении иностранцев, подлежащих выдворению либо экстрадиции, если бы как международный суд по защите прав человека учитывал бы только материалы, представленные внутригосударственными властями соответствующего Договаривающегося Государства, не сравнивая их с материалами из других заслуживающих доверия и объективных источников (см. ... постановление Большой палаты от 28 февраля 2008 года по делу «Саади (*Saadi*) против Италии», №37201/06, п.131).

121. Доказательства из ряда объективных источников показывают, что проблемы в отношении дурного обращения с лицами, содержащимися под стражей, по-прежнему существуют в Узбекистане. В частности, в 2002 году Специальный докладчик ООН по пыткам описал практику пыток, применяемую в отношении лиц, содержащихся под стражей в полиции, как «систематическую» и «всеобъемлющую». Его преемник на этом посту провозгласил в 2006 году, что его офис продолжает получать серьёзные обвинения в пытках, осуществляющихся сотрудниками узбекских правоохранительных органов (...). В конце 2006 года

Генеральный секретарь ООН также привлек внимание к продолжающимся проблемам широко распространенного недозволенного обращения с заключенными и пожаловался, что принимаются неадекватные меры для того, чтобы привлечь к ответственности виновных в этом (...). Более того, не было представлено никаких конкретных доказательств фундаментального улучшения защиты от пыток в Узбекистане в последние годы. Хотя узбекское правительство и приняло ряд мер, направленных на борьбу с практикой пыток (...), не имеется доказательств того, что эти меры дали какие-либо положительные результаты. Таким образом, Суд убежден в том, что дурное обращение с лицами, содержащимися под стражей, является распространенной и устойчивой проблемой в Узбекистане.

122. Эти выводы описывают общую проблему в Узбекистане. Что касается личных ситуаций заявителей, Суд отмечает, что им предъявлены обвинения в связи с андижанскими событиями. «Международная Амнистия» считает, что такие люди находятся под увеличенным риском дурного обращения (...). Верховный комиссар ООН по правам человека и Специальный докладчик ООН по пыткам призвали правительства воздержаться от передачи лиц, обвиненных в участии в андижанском волнении, Узбекистану, где они подвергнутся риску пыток (...).

123. Третья сторона выдвигает предположение, подтвержденное докладами Генерального секретаря ООН и «Международной амнистии», что большинство из людей, насильно возвращенных в Узбекистан после событий мая 2005 года в Андижане, содержатся под стражей без связи с внешним миром (...). Учитывая, что в отношении заявителей выданы ордера на арест, скорее всего они будут взяты под стражу после их экстрадиции, и к ним не будут допущены родственники либо независимые наблюдатели, что увеличит риск дурного обращения.

124. Суд также отмечает, что после своего ареста в России заявители получили угрозы от узбекских должностных лиц, что они подвергнутся пыткам после их экстрадиции в Узбекистан, с целью получения признаний (...).

125. Помимо этого, Суд полагает значимым, что Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев предоставило заявителям статус мандатных беженцев, определив, что каждый из них имеет обоснованное опасение подвергнуться преследованию либо дурному обращению в случае перемещения в Узбекистан. Российский суд также постановил, что, с учётом хорошо задокументированных доказательств широкого распространения пыток в Узбекистане, экстрадиция заявителей подвергнет их риску пыток (...). В этих условиях Суд убежден, что заявители, в случае их возвращения в Узбекистан, подвергнутся реальному риску дурного обращения.

126. Суд не считает убедительным аргумент Правительства, согласно которому у него имеется международно-правовое обязательство сотрудничать в борьбе с терроризмом и оно обязано экстрадировать заявителей, которым предъявлены обвинения в террористической деятельности, независимо от угрозы дурного обращения в запрашивающей стране. Суду не требуется изучать неподтвержденные утверждения Правительства о террористической деятельности заявителей, так как они не имеют значения для его анализа по статье 3. Суду хорошо известны очень большие трудности, с которыми сталкиваются государства в современный период, защищая своё население от террористического насилия.

Вместе с тем, даже в этих обстоятельствах, Конвенция в абсолютных формулировках запрещает пытки либо негуманное и унижающее достоинство обращение или наказание, вне зависимости от поведения потерпевшего. Предусмотренный статьёй 3 запрет дурного обращения равно абсолютен в делах о выдворении и экстрадиции. Так, как только были показаны достаточные основания полагать, что человек может подвергнуться реальному риску обращения, нарушающего статью 3, в случае перемещения в другое государство, в случае выдворения или экстрадиции оказывается задействована ответственность Договаривающегося Государства по защите его либо её от такого обращения. В этих обстоятельствах деятельность этого физического лица, какой бы нежелательной или опасной она ни была, не может рассматриваться в качестве имеющего значение соображения (...).

127. В завершение, Суд рассмотрит аргумент Правительства о том, что заверения узбекских властей в гуманном обращении обеспечивают заявителям адекватную гарантию безопасности. В своём постановлении по делу Чахала Суд указал на опасность использования дипломатических гарантий против пыток, данных государством, которому свойственны пытки либо в котором пытки постоянно применяются (...). В недавнем деле «Саади против Италии» Суд также установил, что дипломатические гарантии сами по себе не обеспечивают достаточную защиту от риска дурного обращения, когда надежные источники сообщают о методах, явно противоречащих принципам Конвенции, используемых властями либо на которые власти смотрят сквозь пальцы (...). Учитывая, что практика пыток в Узбекистане названа известными международными экспертами систематической (...), Суд не убежден, что гарантии узбекских властей представляют собой надежную гарантию от риска дурного обращения.

128. Соответственно, насильственное возвращение заявителей в Узбекистан может означать нарушение статьи 3, так как там они подвергнутся серьёзному риску пыток или бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения.

129. Заявители жаловались по подп. «f» п.1 статьи 5 Конвенции, что они незаконно содержались под стражей. В частности, они утверждали, что не были соблюдены национальные положения, устанавливающие максимальный период содержания под стражей...

<... - опущено изложение позиций сторон в отношении требования по подп. «f» п.1 статьи 5 – прим.переводчика...>

135. Стороны согласны с тем, что заявители находились под стражей в связи с их экстрадицией из России в Узбекистан. Таким образом, по настоящему делу применимым является подп. «f» п.1 статьи 5 Конвенции. Это положение не требует, чтобы содержание под стражей лица, в отношении которого решается вопрос об экстрадиции, было бы разумно необходимым, например, для предотвращения совершения им правонарушения либо его бегства от правосудия. В этой связи подп. «f» п.1 статьи 5 Конвенции предоставляет другой уровень защиты, чем подп. «с» п.1 статьи 5 Конвенции: всё, что требуется по подпункту «f», это чтобы «принимались меры с целью депортации или экстрадиции». Таким

образом, для целей подп. «f» п.1 статьи 5 Конвенции неважно, является ли само решение о выдворении обоснованным по национальному праву либо Конвенции (...).

136. Вместе с тем, Суд подчеркивает, что он уполномочен проверить, было ли содержание заявителей под стражей «законным» для целей подп. «f» п.1 статьи 5 Конвенции, с особой ссылкой на предусмотренные национальной системой гарантии. Когда изучается вопрос «законности» содержания под стражей, включая вопрос о том, была ли соблюдена «установленная законом процедура», Конвенция прежде всего ссылается на национальное право и устанавливает обязательство выполнять материальные и процессуальные положения национального права, кроме того, она требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5, которой является защита физического лица от произвола (...).

137. Таким образом, Суд должен удостовериться, соответствует ли само национальное право Конвенции, включая общие принципы, прямо или косвенно выраженные в ней. По этому последнему вопросу Суд подчеркивает, что, когда рассматривается лишение свободы, особенно важно, чтобы выполнялся общий принцип правовой определенности. Предусматривая, что любое лишение свободы должно быть осуществлено «в соответствии с предусмотренной законом процедурой», п.1 статьи 5 не просто ссылается на национальное право; равно как и положения «в соответствии с законом» и «предписанный законом» во вторых параграфах статей 8-11, он также связан с «качеством закона», требуя, чтобы такое лишение свободы соответствовало принципу верховенства права – концепции, незримо присутствующей во всех статьях Конвенции. «Качество закона» в этом смысле означает, что национальное право, являющееся основанием лишения свободы, должно быть достаточно доступным, чётким и предсказуемым в своём применении, чтобы предотвратить любой риск произвола (см. постановление по делу «Худоёров (*Khudoyorov*) против России», №6847/02, ...).

138. Суд уже установил, что положения российского права, регулирующие содержание лиц под стражей с целью их экстрадиции, не являются ни чёткими, ни предсказуемыми в своём применении и не соответствуют требуемому по Конвенции стандарту «качества закона». Он с озабоченностью отметил, что противоречивые и взаимно исключаящие друг друга мнения национальных властей по вопросу положений, применимых к лицам, содержащимся под стражей до решения вопроса об экстрадиции, в частности, по вопросу о применимости к содержанию под стражей по данному основанию статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса (...), устанавливающей процедуру и особые сроки содержания под стражей (см. постановление от 11 октября 2007 года по делу «Насруллоев (*Nasrulloev*) против России», №656/06, пп.72 и посл.).

139. Аналогично проявила себя противоречивость национального права и в настоящем деле. Так, Верховный Суд выразил мнение, что первоначальное судебное решение о содержании заявителей под стражей не являлось достаточным правовым основанием для всего периода их содержания под стражей. Содержание под стражей должно было продлеваться судом по ходатайству прокурора, то есть по процедуре и в сроки, установленные в статье 109. Он признал, что требуемая процедура не была соблюдена в деле заявителей (...). Когда заявители потребовали освобождения, мотивируя это тем, что санкционированный период их содержания

под стражей истек и что не было назначено его продление в порядке, предусмотренном статьёй 109, национальные суды решили, что статья 109 неприменима в их ситуации и что национальное право не содержит никаких ограничений по времени применительно к содержанию под стражей до решения вопроса об экстрадиции и никакой процедуры для его продления (...). Несмотря на это, 2 и 5 марта 2007 года те же суды постановили, что заявители должны быть освобождены, со ссылкой на статью 109, на том основании, что уже истек максимальный срок содержания под стражей (...).

140. В настоящем деле Суд приходит к тому же заключению, что и по делу Насруллоева (...), о том, что положения российского права, регулирующие содержание под стражей до решения вопроса об экстрадиции не являются ни чёткими, ни предсказуемыми в их применении и не соответствуют требованию «качества закона». Он полагает, что в отсутствие ясных правовых положений, устанавливающих процедуру назначения и продления содержания под стражей до решения вопроса об экстрадиции и определяющих сроки такого содержания под стражей, лишение свободы, которому подверглись заявители, не было обусловлено адекватными гарантиями от произвольности. Национальная система не смогла защитить заявителей от произвольного содержания под стражей, которое не может рассматриваться в качестве «законного» для целей статьи 5 Конвенции. В этих обстоятельствах от Суда не требуется отдельно рассмотреть, было ли рассмотрение вопроса об экстрадиции осуществлено с должной старательностью.

141. Таким образом, имело место нарушение п.1 статьи 5 Конвенции.

142. Заявители жаловались по п. 4 статьи 5 и статье 13 Конвенции, что у них не было возможности эффективно обжаловать в судебном порядке своё содержание под стражей. Учитывая, что п.4 статьи 5 представляет собой специальное правовое положение в сравнении с более общими требованиями статьи 13 (см. решение о приемлемости от 9 мая 2006 года по делу «Димитров (*Dimitrov*) против Болгарии», №55861/00), Суд рассмотрит жалобу по п.4 статьи 5...

<... - опущено изложение позиций сторон в отношении требования по п.4 статьи 5 – прим.переводчика...>

145. Суд подчеркивает, что целью п.4 статьи 5 Конвенции является обеспечение лицам, которые арестованы или заключены под стражу, права на судебный надзор законности меры, которой они подверглись (см. соответственно постановление от 18 июня 1971 года по делу («Де Вильде, Оомс и Версип (*De Wilde, Ooms and Versyp*) против Бельгии», Серии А №12, п.76). Средство правовой защиты должно быть доступно во время содержания лица под стражей, чтобы позволить этому лицу получить безотлагательный судебный контроль законности содержания под стражей, способный привести, в случае необходимости, к его(её) освобождению. Наличие средства правовой защиты, требуемого п.4 статьи 5 Конвенции, должно быть достаточно определенным, не только в теории, но и на практике, иначе у него будут отсутствовать характеристики доступности и эффективности, требуемые для целей данного положения (см. соответственно

постановление от 24 марта 2005 года по делу «Стоичков (*Stoichkov*) против Болгарии», №9808/02, п.66, ...). Доступность средства правовой защиты предполагает, в частности, что властями должны быть созданы обстоятельства, дающие заявителям реальную возможность использования средства правовой защиты (...).

146. Аргумент Правительства, согласно которому заявители получили судебный контроль их содержания под стражей, обжаловав первоначальное постановление об их взятии под стражу, не убедил Суд. Основной смысл жалобы заявителей по п.4 статьи 5 направлен не против первоначального постановления об их взятии под стражу, а против их неспособности добиться судебного контроля их содержания под стражей по прошествии определенного периода времени. Учитывая, что заявители провели более двенадцати месяцев под стражей, в течение этого периода должны были возникнуть новые вопросы, влияющие на законность содержания под стражей. В частности, заявители намеревались заявить судам, что их содержание под стражей перестало быть законным после истечение предельного срока, предусмотренного статьёй 109 Уголовно-процессуального кодекса. На основании п.4 статьи 5 Конвенции они были вправе обратиться в «суд», обладающий юрисдикцией на «безотлагательное» решение вопроса о том, является ли лишение их свободы «незаконным» в свете новых факторов, возникших после постановления об их первоначальном взятии под стражу, или нет (см. соответственно постановление от 2 марта 1987 года по делу «Уикс (*Weeks*) против Великобритании», Серии А №114, пп.55-59).

147. Суд с озабоченностью отмечает противоречивые решения национальных судов по вопросу о том, каким способом судебного контроля предписано следовать лицам, содержащимся под стражей до решения вопроса об экстрадиции. Так, 24 августа 2004 года Ивановский областной суд постановил, что ходатайства заявителей об освобождении из-под стражи не подлежат рассмотрению в рамках уголовного судопроизводства, указав, что они должны быть рассмотрены в рамках гражданского судопроизводства. Вместе с тем, 12 и 19 марта 2007 года тот же суд оставил в силе в кассационном порядке диаметрально противоположенное решение от 22 января 2007 года, указывающее на то, что ходатайства об освобождении должны быть рассмотрены в уголовно-процессуальном, а не в гражданско-процессуальном порядке (...). Суд делает вывод о том, что заявители попали в порочный круг перекладывания обязанностей, когда ни один национальный суд – ни уголовный, ни гражданский – не был в состоянии проконтролировать предполагаемую незаконность их содержания под стражей.

148. Теперь Суд детально рассмотрит вопрос о том, могли ли заявители добиться судебного контроля законности их содержания под стражей в гражданском либо уголовном процессе.

149. Что касается возможности возбуждения гражданского дела, Суд отмечает, что заявители пробовали подвергнуть своё содержание под стражей судебному контролю в соответствии с п.1 статьи 254 и статьёй 255 Гражданского процессуального кодекса (...). Вместе с тем, их заявления были отклонены национальными судами, установившими, что содержание заявителей под стражей должно рассматриваться в рамках уголовного, а не гражданского процесса (...).

150. Что касается возможности добиваться судебного контроля содержания под стражей в уголовно-процессуальных рамках, Суд отмечает, что статья 125 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает принципиальную возможность судебного рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения прав и свобод, включая конституционное право на свободу. Это положение предоставляет право подать такую жалобу «участникам уголовного судопроизводства». Российские власти последовательно отказывались признать заявителей участниками уголовного судопроизводства, так как против них в России не возбуждалось уголовное дело (...). Очевидно, что это положение свело на нет их возможность обжаловать в судебном порядке законность их содержания под стражей.

151. В завершение Суд рассмотрит аргумент Правительства, согласно которому у заявителей имелась возможность обжаловать своё содержание под стражей по статье 109 Уголовно-процессуального кодекса. Им уже установлено, что статья 109 не даёт лицу, содержащемуся под стражей, право инициировать рассмотрения вопроса о законности его содержания под стражей (см. приведённое выше постановление по делу Насруллоева, п.88). Суд отмечает, что статья 109 устанавливает особые сроки, в пределах которых прокурор должен обратиться в суд за продлением меры пресечения. Рассматривая ходатайство о продлении, суд должен решить, является ли продолжение применения меры пресечения в виде содержания под стражей законным и обоснованным, а если оно таковым не является – освободить лицо из-под стражи. Следует признать, что лицо, содержащееся под стражей, имеет право участвовать в данном типе судебного производства, давать объяснения суду, просить о своём освобождении. Вместе с тем, ничто в статьях 108-109 не говорит о возможности инициирования такого процесса лицом, содержащимся под стражей, так как он может быть начат только по ходатайству прокурора о продлении меры пресечения в виде содержания под стражей. В деле заявителей прокурор не подал ходатайства о продлении содержания под стражей. В этих обстоятельствах Суд не считает, что статья 109 обеспечила право заявителей на инициирование производства, в рамках которого судом мог быть проверен вопрос законности их содержания под стражей.

152. Суд делает вывод о том, что все попытки заявителей добиться рассмотрения их ходатайств об освобождении из-под стражи в рамках уголовного либо гражданского судопроизводства провалились. Из этого следует, что в течение срока содержания заявителей под стражей у них не имелось возможности получить судебный контроль его законности.

Таким образом, имело место нарушение п.4 статьи 5 Конвенции.

<... - опущен вывод Суда о том, что не является необходимым рассматривать вопрос о нарушении в отношении заявителей п.1 статьи 6 Конвенции – права на справедливое судебное разбирательство – прим.переводчика...>

157. Заявители жаловались по п.2 статьи 6 Конвенции, утверждая, что тексты решений об экстрадиции нарушили их право считаться невиновными (презумпция невиновности)...

<... - опущено изложение позиций сторон в отношении требования по п.2 статьи 6 – прим.переводчика...>

160. Суд подчеркивает, что п.2 статьи 6 в его соответствующем аспекте направлен на предотвращение подрыва справедливости уголовного судопроизводства предопределяющими вину заявлениями, сделанными в тесной связи с этим производством. Когда такого производства нет или не было в наличии, заявления об уголовно наказуемом либо ином достойном порицания поведении имеют значение прежде всего для целей защиты от диффамации и адекватного доступа к правосудию и потенциально могут затрагивать вопросы по статьям 8 и 6 Конвенции (см. решение от 20 ноября 2003 года о приемлемости жалобы «Золлманн (*Zollmann*) против Великобритании», №62902/00).

161. Закрепленная в п.2 статьи 6 Конвенции презумпция невиновности является одним из элементов справедливости уголовного судопроизводства, требуемого её п.1 (см. постановление от 10 февраля 1995 года по делу «Аллене де Рибемон (*Allet de Ribemont*) против Франции», Серии А №308, п.35). Она запрещает преждевременное выражение судом своего мнения о том, является ли лицо, «обвиняемое в совершении уголовного преступления», виновным, до того, как это будет доказано в соответствии с законом (см. постановление от 25 марта 1983 года по делу «Минелли (*Minelli*) против Швейцарии», Серии А №62, где суд ассизов, рассматривающий уголовное дело, решил, что продолжение уголовного преследование невозможно в связи с истечением сроков, но, тем не менее, решил, что если бы оно было продолжено, то заявитель скорее всего был бы признан виновным для целей распределения судебных расходов). Она также распространяется на заявления, сделанные другими должностными лицами, относительно уголовных дел, рассмотрение которых продолжается, которые заставляют публику поверить в виновность подозреваемого и подрывают оценку фактов компетентным судебным органом (см. Аллене де Рибемон, п.41, где в заявлениях министра и начальника полиции прессе арестованный в тот же день заявитель назывался пособником убийства, без каких-либо оговорок; ...).

162. Суд прежде всего рассмотрит, могли ли заявители в обстоятельствах данного дела признаваться «обвиняемыми в совершении уголовного преступления» для целей п.2 статьи 6, когда были приняты обжалуемые решения об экстрадиции. Он отмечает, что в России заявителям не было предъявлено никаких уголовных обвинений. Производство об их экстрадиции не затрагивало определения уголовного обвинения в смысле статьи 6 Конвенции (...). Соответственно, когда были приняты решения об экстрадиции, в отношении заявителей в России не осуществлялось уголовное преследование, на исход которого могли бы оказать влияние утверждения прокурора.

163. В деле Золлманна (приведено выше) Суд не ограничился тем, что установил, что против заявителя не осуществляется уголовное судопроизводство в Великобритании, он продолжил рассмотрение вопроса о том, связаны ли заявления государственного должностного лица с какими-либо уголовными расследованиями, начатыми против заявителя за границей. В настоящем деле Суд также должен убедиться, имелась ли какая-нибудь тесная связь – в законодательстве, практике либо фактах – между обжалуемыми заявлениями, сделанными в контексте решения

вопроса об экстрадиции, и уголовным судопроизводством, продолжающимся против заявителей в Узбекистане, которая является достаточной для признания заявителей «обвиняемыми в совершении уголовного преступления» в значении п.2 статьи 6 Конвенции (...).

164. Суд отмечает, что экстрадиция заявителей была назначена для цели их уголовного преследования. Таким образом, решение вопроса об экстрадиции является прямым следствием и сопутствующим обстоятельством уголовного расследования, осуществляемого против заявителей в Узбекистане. Таким образом, Суд считает, что имеется тесная связь между уголовным судопроизводством в Узбекистане и производством по вопросу об экстрадиции, обосновывающая применимость к последнему п.2 статьи 6 Конвенции. Более того, текст решений об экстрадиции ясно показывает, что прокурор воспринимал заявителей «обвиняемыми в совершении уголовных преступлений», что само по себе достаточно для возможной применимости п.2 статьи 6 Конвенции. Суд также отмечает, что по делу «П. и Р.Х. и Л.Л. (*P. and R.H. and L.L.*) против Австрии» (№15776/89, решение Комиссии от 5 декабря 1989 года, Сборник решений и докладов, №64, стр.269), Комиссия¹ признала заявителей, ожидающих экстрадиции из Австрии в США «обвиняемыми в совершении уголовного преступления» в значении п.2 статьи 6 Конвенции. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что п.2 статьи 6 применим в настоящем деле.

165. Теперь Суд рассмотрит вопрос о том, является ли мотивировка, содержащаяся в решениях первого заместителя Генерального прокурора, по существу определением вины заявителей в нарушение п.2 статьи 6 Конвенции.

166. Суд подчеркивает, что презумпция невиновности будет нарушена, если судебный акт или заявление должностного лица относительно лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления, отражает мнение, что оно является виновным, до того, как оно будет признан виновным в соответствии с законом. Даже в отсутствие какого-либо формального определения, достаточно наличие какой-либо мотивировки, указывающей на то, что суд либо должностное лицо считают обвиняемого виновным. Должно быть проведено фундаментальное различие между заявлением о том, что кто-то лишь подозревается в совершении преступления, и прямым заявлением, в отсутствие окончательного осуждения, что лицом совершено соответствующее преступление. Суд подчеркивает важность того, чтобы должностные лица выбирали слова до того, как лицо будет предано суду и осуждено за совершение определенного уголовного преступления (постановление от 3 октября 2002 года по делу «Бёмер (*Böhmer*) против Германии», №37568/97, пп.54 и 56; постановление от 27 февраля 2007 года по делу «Нештяк (*Nešt'ák*) против Словакии», №65559/01, пп.88 и 89).

167. Решение об экстрадиции заявителей само по себе не нарушает презумпцию невиновности (...). Вместе с тем, жалоба заявителей направлена не против экстрадиции как таковой, а против мотивировки, содержащейся в решениях об экстрадиции. Суд полагает, что решение об экстрадиции может вызвать проблему по п.2 статьи 6 Конвенции, если обосновывающая мотивировка, которая

¹ Имеется в виду ранее существовавшая Европейская комиссия по правам человека (прим.переводчика).

не может быть рассмотрена в отрыве от резолютирующих положений, является по сути определением виновности лица (...).

168. Решения об экстрадиции указывали, что заявители должны быть экстрадированы, потому что они «совершили» террористические акты и иные уголовные преступления в Узбекистане (...). Заявление не ограничивалось описанием «состояния подозрения» в отношении заявителей, оно представляло их участие в совершении правонарушений как свершившийся факт, без какой-либо оговорки, даже не упоминая, что они сами это отрицали. Суд полагает, что текст решений об экстрадиции равен признанию вины заявителей, что может побудить публику поверить в их виновность, подорвав таким образом оценку фактов компетентным судебным органом в Узбекистане.

169. Что касается аргумента Правительства о том, что национальные суды не оценивали виновность заявителей, так как им было запрещено национальным правом делать это, Суд отмечает, что заявители пожаловались на заявления прокурора, содержащиеся в решениях об экстрадиции, а не на судебные акты или какие-либо заявления, сделанные судами. Ивановский областной суд решил, что решения об экстрадиции лишь описывали обвинения, выдвинутые против заявителей, и не содержат какого-либо определения их вины (...). Вместе с тем, такое толкование не соответствует недвусмысленному тексту решения об экстрадиции, в частности, указанию на то, что заявители «совершили» вменяемые им правонарушения. Оставив в силе решения об экстрадиции, не скорректировав их текст, суды не исправили дефекты акта об экстрадиции (...).

170. Таким образом, имело место нарушение п.2 статьи 6 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

171. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

<... Суд удовлетворил в полном объёме требование о компенсации морального вреда – по 15тыс. евро каждому из заявителей, - а также присудил заявителям определенные суммы (в полной запрошенной сумме) в качестве компенсации судебных расходов...- прим. переводчика>

В. Процент за просрочку

180. Суд считает, что процентная ставка за просрочку должна основываться на средней кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой должны быть прибавлены три процентных пункта.

ПО УКАЗАННЫМ ВЫШЕ ПРИЧИНАМ, СУД

1. *Признает* оставшуюся часть жалобы приемлемой единогласно;

2. *Устанавливает* шестью голосами против одного, что в случае исполнения решений об экстрадиции заявителей будет нарушена статья 3 Конвенции;
3. *Устанавливает* единогласно, что имело место нарушение п.1 статьи 5 Конвенции;
4. *Устанавливает* единогласно, что имело место нарушение п.4 статьи 5 Конвенции;
5. *Устанавливает*, единогласно что нет необходимости рассматривать жалобу по п.1 статьи 6 Конвенции;
6. *Устанавливает* шестью голосами против одного, что имело место нарушение п.2 статьи 6 Конвенции;
7. *Устанавливает* шестью голосами против одного
 - а) что государство-ответчик должно выплатить заявителям, в течение трёх месяцев со дня, когда постановление станет окончательным в соответствии с п.2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы, которые должны быть конвертированы в российские рубли по курсу, действующему на день выплаты:
 - i) 15,000 (пятнадцать тысяч) евро каждому из заявителей за моральный вред;
 - ii) следующие суммы за юридическое представительство:
 - г-ну Алимову: 1545 (одна тысяча пятьсот сорок пять) евро;
 - г-ну Исмоилову: 1694 (одна тысяча шестьсот девяносто четыре) евро;
 - г-ну Касимхужаеву: 1259 (одна тысяча двести пятьдесят девять) евро;
 - г-ну Рустамходжаеву: 1165 (одна тысяча сто шестьдесят пять) евро;
 - г-ну Махмудову: 1381 (одна тысяча триста восемьдесят одно) евро;
 - г-ну Усманову: 1304 (одна тысяча триста четыре) евро;
 - г-ну Мухамадсобирову: 1304 (одна тысяча триста четыре) евро;
 - г-ну Мухаметсобирову: 1235 (одна тысяча двести тридцать пять) евро;
 - г-ну Улughходжаеву: 1370 (одна тысяча триста семьдесят) евро;
 - г-ну Сабирову: 1292 (одна тысяча двести девяносто два) евро;
 - г-ну Наимову: 1221 (одна тысяча двести двадцать одно) евро;
 - г-ну Хамзаеву: 1367 (одна тысяча триста шестьдесят семь) евро;
 - г-ну Таштемирову: 1377 (одна тысяча триста семьдесят семь) евро;
 - iii) 195 (сто девяносто) пять евро г-ну Алимову за почтовые расходы;
 - iv) любой налог, который может быть взыскан с заявителей с вышеуказанных сумм;
 - б) что по прошествии вышеуказанных трех месяцев вплоть до выплаты присужденной суммы должен также быть выплачен простой процент на

вышеуказанные суммы по ставке, равной средней кредитной ставке Европейского центрального банка в период просрочки, плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке, сообщено в письменном виде 24 апреля 2008 года, в соответствии с пп. 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен НИЛЬСЕН
Секретарь

Кристос РОЗАКИС
Председатель

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА

Я разделяю выводы Палаты о приемлемости оставшейся части жалобы, с учетом серьезности утверждений заявителей. Я также присоединяюсь к её выводам относительно нарушения пп.1 и 4 статьи 5 Конвенции, так как мотивировка Палаты следует подходу, высказанному в деле «Насруллоев против России» (№656/06, постановление от 11 октября 2007 года), согласно которому Суд установил, что правовые положения о содержании под стражей до решения вопроса об экстрадиции не соответствуют требованию «качества закона», в нарушение п.1 статьи 5 Конвенции, и не дают возможность осуществить судебный контроль такого содержания под стражей, что является нарушением п.4 статьи 5 Конвенции.

Моё несогласие касается некоторых других выводов:

1. По моему мнению, установление потенциального нарушения статьи 3 Конвенции «в случае исполнения решений об экстрадиции заявителей» представляет собой радикальное прочтение недавнего постановления по делу «Саади (*Saadi*) против Италии» (№37201/06, Большая палата, постановление от 28 февраля 2008 года) и особенно следующего вывода: «Вес, который следует придавать гарантиям принимающего государства, зависит в каждом конкретном деле от обстоятельств, существующих на определенный момент времени» (см. дело Саади, приведено выше, п.148). Следует вспомнить, что в постановлении Большой палаты по делу «Маматкулов и Аскарлов (*Mamatkulov and Askarov*) против Турции» относительно экстрадиции в ту же страну – Узбекистан – Суд сделал следующий вывод, приняв во внимание гарантии, полученные от узбекского правительства до момента экстрадиции: «В свете имеющихся у него материалов Суд не может сделать вывод, что на вышеуказанную дату имелись существенные основания полагать, что заявители подвергнутся реальному риску обращения, нарушающего статью 3» (см. постановление Большой палаты по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции», №№46827/99 и 46951/99, п.77).

Палата обосновала свой отход от позиции по делу Маматкулова, оценив нынешнюю позицию заявителей в свете эволюции ситуации в принимающей стране, как предусмотрено в нашей правоприменительной практике (...). Я мог бы согласиться с этим подходом, если бы я был убежден, что экстрадиция заявителей неизбежна или даже уже произошла. Но анализ Палатой фактов этого крайне чувствительного и постоянно развивающегося дела останавливается на освобождении заявителей 5 марта 2007 года (то есть более чем за год до принятия постановления!) (п.50) и на определении Ивановского областного суда от 27 марта 2007 года, оставляющем в силе решения об их освобождении (п.51). Согласно информации российских средств массовой информации, заявители покинули российскую территорию, уехав в «третьи страны»; вместе с тем, эта информация не была подтверждена либо опровергнута сторонами, а Суд не потрудился получить информацию о нынешней ситуации заявителей (применение правил 39 и 41 Регламента Суда даёт такую возможность). Как мой коллега судья Зупанчич подчеркнул в своём совпадающем мнении по делу Саади, говоря о «тесте Чахала», *«невозможно доказать будущее событие с какой бы то ни было степенью возможности, так как доказательственное право является логическим, а не пророческим занятием. Таким образом, мало сказать, что применение теста*

Чахала является «в некоторой степени спекулятивным» (см. приведенное выше постановление по делу Саади, совпадающее мнение судьи Зупанчича). Соответственно, я придерживаюсь ясной позиции ненарушения, по сравнению с «пророчеством» либо «в некоторой степени спекулятивностью» именно по причине отсутствия конкретной информации относительно нынешней ситуации заявителей.

2. Второй пункт моего несогласия касается нарушения п.2 статьи 6 Конвенции по причине нарушения презумпции невиновности в связи с формулировкой решения прокурора об экстрадиции. Я согласен с Ивановским областным судом в том, что решение об экстрадиции просто описывает обвинения против заявителей, как они были получены от узбекских властей, и не содержит каких-либо выводов об их вине.

Я помню, что в своём решении по делу «Золлманн (*Zollmann*) против Великобритании» Суд отметил: «п.2 статьи 6 в его соответствующем аспекте направлен на предотвращение подрыва справедливости уголовного судопроизводства предопределяющими вину заявлениями, сделанными в тесной связи с этим производством. Когда такого производства нет или не было в наличии, заявления об уголовно наказуемом либо ином достойном порицания поведении имеют значение прежде всего для целей защиты от диффамации и адекватного доступа к правосудию и потенциально могут затрагивать вопросы по статьям 8 и 6 Конвенции» (...).

По настоящему делу заявители не были обвинены в совершении какого-либо уголовного преступления в России, против них в России не было начато и не было намерений начать какое-либо уголовное преследование, исход которого мог бы быть подвергнут влиянию заявлениями первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации. Более того, я не считаю, что была установлена какая-либо тесная связь, в законодательстве, практике или фактах, между заявлениями российского прокурора и уголовным судопроизводством, осуществляемым в отношении заявителей в Узбекистане. Я не вижу никакой нужды спекулировать на тему того, как заявления прокурора (несмотря на их строго профессиональную формулировку) могли бы ненадлежащим образом повлиять на судебные власти другого суверенного государства, компетентные определить вину либо невиновность заявителей.

3. Так как я голосовал только за нарушение пп.1 и 4 ст.5 Конвенции, логичным представляется уменьшение размеров компенсации морального вреда. Что касается расходов, связанных с юридическим представительством, я напоминаю, что в других схожих и не менее сложных делах Суд присуждал юристам намного более скромные суммы (1400 евро в деле Насруллоева и 790 евро в деле Гарабаева): простое арифметическое умножение на количество заявителей, на мой взгляд, не является справедливым.

*Перевод выполнил Сергей ГОЛУБОК, магистр международного права,
аспирант кафедры международного права Санкт-Петербургского
государственного университета, помощник адвоката Адвокатской палаты
Санкт-Петербурга*